

говорит папа о римской Церкви, потому что, когда-то великая римская Церковь теперь уничтожена: ведь папа Пий IX торжественно заявил, что «он — Церковь» (*la chiesa son io!*), и что же даст нам папа взамен всех этих потерь? Тишину и спокойствие! Ненарушимость наших церемоний и обрядов! Но ведь такая тишина, спокойствие — тишина и спокойствие кладбища, да они у нас и так есть, нам их нечего занимать. Церемонии и обряды! Неужели Спаситель пришел на землю для того, чтобы установить церемонии и обряды!?

Обо всем этом его святейшество благоразумно умолчал, но нам-то следовало бы все это знать и помнить.

Висбаден. 30-го января 1901 г.

Новый папа (Пий X)

В древности и даже в Средние века папы избирались из разных слоев общества, безразлично. Тройную тиару* носили и аристократы, и плебеи: Мартын V — Колонна, Николай III — Орсини, Лев X — Медичи, из иностранцев — Александр VI — Борха (Борджиа)¹ и знаменитый воинствующий политик Григорий VII — сын плотника, Сикст V — свинопас (*Il pecoraio di Montalto*). Впоследствии плебеи хотя зачастую бывали кардиналами, но в папы не попадали, и простолудин Джиузеппе Сарто, никогда не мечтавший о тиаре, сделался папой Пием X лишь случайно, благодаря тому, что Австро-Венгрия воспользовалась на конклаве своим сомнительным правом «*veto*», для устранения негодного ей и Германии кандидата Рамполлы. Право это, довольно плохо обоснованное и не вполне определенное, хотя и не раз применяемое (даже клерикалом Людовиком XIV), имело некоторый смысл, когда папа был владельцем самостоятельного и довольно обширного государства, имевшего и политическое значение; это могло служить некоторым основанием для права других государств — протестовать против избрания в папы-государя враждебного

---

* Греки называли «тиарою» персидский царский венец, это восточное название перешло на венец папы. Впрочем, и сам папа пользуется языческим названием, именно — римско-верховного жреца, заведовавшего тоже и постройкой мостов (*Pontifex Maximus*); он был как бы министром путей сообщения, кроме того, историографом римской республики; он же наблюдал за весталками и пр.

им человека; но с тех пор как у папы отобрали его владения, как он перестал быть «*Papa — Rex*», оставшись с одной духовною властью, вмешательство «мира» в избрание главы католицизма лишено логического основания. Да и какой это странный «мир»: правом *veto* располагает Франция, которою управляет расстрига Комб, преследующий конгрегации и сестер милосердия; Австрия, которая признала себя «безверною»: она, по самой своей конституции, «*confessionslos*» (несмотря на клерикализм императорского дома); далее Испания, где ведется открытая война против духовенства, и, наконец, маленькая Португалия, находящаяся со времени метуэнского [Methuen] договора [в Лиссабоне в 1703 г.] в лапах англиканской Великобритании!

Отношение этого странного квартета к избранию пап усложняются еще следующим обстоятельством: с 1870 года папа не просто светский государь, уволенный в отставку, не просто епископ Рима, первенствующей христианской кафедры, он еще непогрешимый учитель всего человечества. Но кто же его избирает? Кто сообщает ему чудодейственный дар непогрешимости? Очевидно, не коллегия кардиналов, которая не имеет сего дара (ведь передать другому можно лишь то, что имеешь сам!). Дар непогрешимости дает папе Святой Дух, его же и избирающий. Такова, несомненно, официальная доктрина Римской Церкви. И однако вот правительства (первые министры) означенных государств позволяют себе указывать Св. Духу (посредством коллегии кардиналов) тех лиц, на которых Его изволение не должно останавливаться. Выходит нечто нелепо кощунственное, бессмысленно-святотатственное!

Когда в конклаве один из австрийских кардиналов заявил, что его правительство налагает *veto* на избрание кардинала Рамполлы, последний, побледнев от нанесенной ему жестокой обиды, сказал: «Я радуюсь, что тяжелая тиара минует мою голову, но вместе с тем торжественно и твердо протестую против незаконного поступка австро-венгерского правительства!» И он был совершенно прав — мирское *veto* лишено всякого канонического основания.

Чем объяснить протест Австро-Венгрии? Объяснений существует несколько. Наиболее вероятное — следующее: император Вильгельм, не имеющий права *veto*, видя, что его кандидат — кардинал Готти — не пройдет, и притом недовольный Рамполлою за его сочувствие двойственному франко-русскому союзу, выразил Францу-Иосифу желание, чтобы негодный ему кандидат был устранен. Такова наиболее распространенная версия. Впрочем, в либеральных кругах Австрии и особенно Венгрии у Рамполлы есть много и личных врагов за поддержку им (через Льва XIII) австро-венгерской клерикальной партии, и доселе довольно сильной. Представителем этой партии был личный

друг императора первый министр гр. Таафе, противник Пруссии: для управления Австро-Венгрией он склонялся к идее немецко-венгрославянской федерации; при нем славянам представлялась возможность дышать (хотя бы и клерикальным воздухом); но гр. Таафе скоро пал, попытка самостоятельной клерикально-федеративной политики Австрии потерпела торжественную неудачу, и Берлин снова и уже окончательно утвердил свою власть в Вене. Может быть, Франц-Иосиф, человек очень клерикального настроения, был бы и не прочь следовать внушениям Рима, но поставленный между двух огней, между своими либеральными парламентами и грозным северным союзником — он подчинился. *Veto*, брошенное против избрания Рамполлы, один из многочисленных признаков этого подчинения.

Из избирательной урны значительным большинством был извлечен незначительный Пий X.

Часто при перемене обстоятельств меняются и люди; это случилось и с папами. Ведь и Пий IX, создатель папской непогрешимости, был когда-то либералом! Известна тоже история упомянутого выше Сикста V: он знал, что в папы обыкновенно избираются люди старые, болезненные: кардиналы любят перемены на папском престоле: это им выгодно. И вот к концу папствования своего предшественника, Сикст V, тогда еще лишь архиепископ Фермо, опасно заболел; он ходил согбенный, еле двигался, смотрел вниз, на землю, одним словом — умирал. Его выбрали: и вдруг он выпрямился, воспрянул духом и телом! Один из его приближенных, удивленный такой метаморфозой, попросил его объяснить это чудо. «Да, я теперь выпрямился, — отвечал папа, — я сгибался, отыскивая ключи моего предшественника — апостола Петра, но вот я их нашел». И он действительно выпрямился, стал грозным и властным папой*. Ничего подобного от Пия X ожидать нельзя. Он не искал ни ключей, ни тиары и был очень смущен, когда ему их вручили.

Новый папа — добрый, верующий человек, безукоризненной нравственности, простой жизни, не терпящей театральной торжественности, умеренный в своих религиозных взглядах; наконец, человек, не занимающийся политикой и не много в ней смыслящий. Таков папа — как человек. По-видимому, таким он должен и остаться. Но на это едва ли можно рассчитывать. Он сделался полно и единовластным монархом двухсот миллионов душ, но не в переносном смысле, как говорилось когда-то про нас, помещиков, а в собственном, буквальном смысле. Сам он лично, может быть, и не переменится, останется добродушным кардиналом Иосифом Сарто, заботившимся лишь о духовном благе своей

---

* Между прочим, он предал анафеме Генриха IV.

паствы. Но среда, в которой ему придется вращаться, предания, обязанности, которые на него перейдут, наследие многовековой жестокой борьбы с еретиками и схизматиками вынудят его думать не об одной религиозной стороне своего могущества. Он, вероятно, постарается поднять нравственность и ученость католического духовенства; к Италии он будет относиться менее враждебно: будучи архиепископом Венеции, он дружественно принимал настоящего короля Италии; но все это не повлияет на его отношения к другим, не католическим Церквям и государствам. Отношения эти могут принимать менее резкие формы, но внутреннее содержание их изменяться не может. Ведь он непогрешимый папа! Все люди, не только римско-католики, не только все христиане, но и все вообще люди — его духовные подданные; те, которые ему повинуются — спасены, неповинующиеся — бунтовщики, которых нужно сломить и обуздать. Такова фактически римская доктрина. Папа не может пересоздать всего этого положения. Несмотря на всю свою власть, на возможное далее нежелание идти по стопам своих предшественников, деятельность его будет поневоле вращаться в унаследованных им рамках. Так вот, мы, православные, — бунтари; он должен, он будет с нами бороться, пока мы не подчинимся, и борьба эта будет вестись непрестанно, и явно, и тайно, пока мы не покоримся. В этом отношении для нас все папы теперь одинаковы. Они, конечно, могут быть различны лично как люди, но деятельность их *ad extra*², их отношения к нам останутся все теми же, они перемениться не могут, кто бы ни был папой, будь он святой — как Лев Великий, или Григорий Великий, будь он государственный муж с железной волей и широкими политическими замыслами — как Григорий VII или Иннокентий III, изверг — как Александр VI, тонкий эстетик, порядочный богослов, но верящий в одну красоту — как Лев X, наконец, ограниченный фанатик, как Пий IX, или хитрый политик и великий знаток латинской версификации, как Лев XIII, — все равно. Новый папа будет для нас таким же, как и его предшественники. Мы для него — восставшие и непокорные подданные, которые должны быть рано или поздно подавлены, поборены и подчинены его непогрешимой власти! — Положение ясно.

